

И.И. Глебова

XX ВЕК ПРОТИВ САМОДЕРЖАВИЯ

В самодержавии свобода только терпима;
силу и прочность она имеет ... там, где
она сама участвует в решениях власти.

Невозможно удержать правительство
в прежнем виде там, где общество
пересоздалось на новых началах.

Б.И. Чичерин
Конституционный вопрос в России, 1878 г.

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!...

А. Блок
Поэты, 1908 г.

Аннотация. Вот уже более столетия наука ищет точную формулу эволюции российской власти в начале XX в. Что это было: долгая либерализация или вынужденная «маленькая» демократизация, самодержавие или уже какая-то иная модель, тупиковый вариант или историческая возможность? Дискуссии на эти темы имеют не узкое ретроспективное, а актуальное политическое и культурное значение. Они «крутятся» вокруг главного для российской политики вопроса: возможно ли в России что-то, кроме «самодержавия» (того типа власти, что альтернативен полиархии)? Революция 1905 г. и последовавшие за ней события дали «промежуточный» ответ на этот вопрос. Монархия потеряла монополию на власть; произошел переход от моно-субъектной властно-институциональной конфигурации к полисубъектной. Это и означало конец исторического самодержавия, выход из традиционного (самодержавно-крепостнического) социального порядка. Обновленная государственно-политическая система строилась на компромиссе двух принципов – монархического и демократического (парламентского). Хотя эта конструкция формировалась под большим влиянием старой системы и была чрезвычайно конфликтной и неустойчивой, она имела

потенциалы развития. Следовало держаться конституционного компромисса, расширять его рамки, гасить агрессию как традиционных, так и новых сил, их претензии на полновластие. Именно стремление к монополизации властно-политического пространства являлось главной угрозой для процессов демократизации, движения России в (общую со всей Европой) современность. После обрушения в 1917 г. модели дуалистической («полупарламентской») монархии в короткий срок были проиграны все возможные тогда проекты устройства власти. Победила диктатура, стремившаяся к тотальному господству, подчинению себе всех сфер жизни, полной перелке наличной социальности. Ее история не закончилась в XX в., в отличие от самодержавной и постсамодержавной. Поэтому для понимания нынешних властно-социальных трансформаций необходим анализ именно этого опыта.

Ключевые слова: самодержавие; революция; дуалистическая монархия; реставрация; парламентаризм; Дума; Совет министров; обнуление.

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения, Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru
Web of Science Researcher ID: AAT-7754-2020

Glebova I.I. The 20th century against absolutism

Abstract. *For more than a hundred years, science has been trying to find an exact formula of the Russian power evolution at the beginning of the 20th century. Was it a long liberalization or a necessary «small-scale» democratization, autocracy, or some other model, a dead-end variant or a historic opportunity?*

These discussions are not of narrow retrospective, but rather timely political and cultural importance. They spin around the main issue for the Russian polity: is there a possibility for Russia to have something other than autocracy (that type of power that is an alternative to polyarchy)?

The Revolution of 1905 and subsequent events gave a provisional answer to this question. Monarchy lost its monopoly on power, monosubjective power-institutional configuration turned to the polysubjective one. This was the end of historic autocracy, escaping the traditional (serfdom-based autocracy) social system. The renewed state political system was built on a compromise of two principles - monarchic and democratic (parliamentary).

Even though this structure was formed under the great influence of the old system and was extremely conflictual and unstable, it had potential development. The constitutional compromise should have been maintained and widened, and the aggression of traditional and emerging forces and their aspirations for power monopoly had to be suppressed. The will to monopolize power and political space represented the main threat for the democratization processes, Russia's turn towards modernity (together with Europe). After the fall of the dualistic (semi-parliamentary) model of monarchy in 1917, all possible projects of governance structure were lost. Victory belonged to a dictatorship striving for total dominance of all spheres of life, a full remake of the existing social order.

Its story did not end in the 20th century, unlike that of autocracy and post-absolutism. That is why we need to analyze this very experience to understand contemporary power and social transformations.

Keywords: *absolutism; revolution; dualistic monarchy; restoration; parliamentarism; Duma; Council of ministers; «obnulenie» (zeroing out).*

Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Russian Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Russia, Moscow.

E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: AAT-7754-2020

Сейчас мало вспоминают о Первой революции – если и говорят, то чтобы зафиксировать: это революция, которой не было – ей не удалось преодолеть самодержавно-полицейский порядок [см., например: Первая революция 2005, с. 3–20, 582–584]. Что вовсе не случайность: самодержавие – не реформируемая сущность, оно имманентно России. Все попытки уйти от самодержавия свидетельствуют: Россия неспособна эволюционировать к властно-политическому устройству полиархического типа – здесь возможны только «кратократические» транзиты¹.

Вот он, наш особый путь – от самодержавия к самодержавию; меняются лишь его формы и персонификаторы².

1. Этот термин введен (в 1990-е годы, в историко-политологической литературе) для указания на процессы, противоположные (альтернативные) «демократическому транзиту». «Кратократический транзит» предполагает (имеет целью) движение от одних властно-социальных форм, больше не соответствующих современности (новым историческим условиям) к другим, ей адекватным. В ходе транзита власть использует те возможности, которые дает современность, чтобы восстановиться, устранить (и / или коррумпировать) новых социально-политических субъектов, подработать под себя (переформатировать) социальное пространство. Победить.

2. Вот одно из характерных описаний «самодержавного транзита»: «Российскому самодержавию написано на роду воспроизводиться посредством смены его исторических форм, а каждой новой форме утверждаться в результате вынужденной демократизации формы прежней»... «императорское самодержавие, как и советское ... сломалось на дозированной демократизации» [Кобинский 2020]. Иначе говоря, Россия движется во времени, переваливаясь из одной самодержавной колеи в другую; наши времена разнятся лишь «формулой самодержавия». Возрождается же оно (поразительным образом) через самоуничтожение – обветшавшая форма сгорает в огне ею же инициированной демократизации, чтобы из пепла возсталое молодое и яростное самодержавие (мистический сценарий: в основе – мифология вечной жизни, возрождение по принципу «птицы Феникс»).

Возможно ли такое теоретическое описание российского развития? Наверное – тем самым указывается на важнейшую политическую традицию, во многом это развитие определяющую; такое знание позволяет оценить собственные возможности. Однако эту схему нельзя принять в качестве единственной, исчерпывающей. Она изначально нерелевантна – из нее изгнана история (ни хода времен, ни «Я», человека мыслящего и действующего, – всему довлеет это чудовище, самодержавие; над всем торжествует самодержавная вечность). И неслучайно эта точка зрения возобладали сейчас – это реакция не столько на прошлое (на историю), сколько на настоящее. Завершился какой-то важный этап в жизни общества – и итоги требуют объяснения. Идея (модель) «вечного самодержавия» объясняет случившееся – всем: и тем, кто ощущает это как собственное поражение, и тем, кто торжествует победу. В то же время как-то снимает напряжение (расслабляет) – а вместе с ним и ответственность (перемещает ее в прошлое, где и закрутилось это самодержавное веретено).

К истории (среди прочего) обращаются для того, чтобы лучше понять настоящее. Однако обращаются именно с вопросами, а не с готовыми ответами, вынесенными из сегодняшнего дня. Иначе возможен своего рода темпоральный сбой: теряется ощущение разности времен (их своеобразия, уникальности), разнородности исторических явлений – внешне, вроде бы, чрезвычайно схожих. Конечно, искушение подогнать советско-постсоветскую власть под самодержавную мерку велико. В любой национальной истории всегда можно найти соответствия, подобию, тенденции, действующие как бы поверх времени. Однако прямые аналогии неуместны, порою даже вызывающе неловки. Такого рода приемам сопротивляется сам исторический материал. Невозможно переодеть в монархическое платье тоталитарную диктатуру; ельцинское «выборное самодержавие» или путинский «абсолютизм» – удачные метафоры, не более (применяя их, следует понимать их условность). Путать самодержавие историческое (ту форму, в которую отлилась во времени российская монархия) с самодержавием типологическим³ есть верх легкомыслия – это чревато политическими ошибками.

Что же касается истории, то спор о том, был ли постреволюционный (после 17 октября 1905 – 23–27 апреля 1906 г.) царизм ограниченным или оставался самодержавным, не затихает вот уже более столетия. Пожалуй, это один из главных диспутов о «старой» (добольшевистской) России. Неопределенность историографических оценок, двусмысленность выводов в значительной степени объясняются сложностью самой проблемы. Вопрос о власти в ходе Пер-

³ То есть с определенным типом власти: монопольной, не имеющей ограничений, склонной к агрессии против всего инакового, тяготеющей к полицейской и военной реализации.

вой революции был решен таким образом, что допускает (провоцирует) многозначные толкования. Именно поэтому целесообразно рассматривать его в долгой перспективе – не как акт, но как процесс с точки зрения его исторических обусловленностей и последствий (реализовавшихся и возможных)⁴. При этом необходимо фиксировать прежде всего политико-правовые, символические и культурно-ментальные стороны этого процесса.

Ура, Конституция!

Первое десятилетие царствования Николая II (в особенности период с 1899 по 1904 г.) можно назвать временем не политической даже, а темпоральной реакции: Самодержавие – против Современности⁵. Правда, и в «верхах» XX век теснил XIX, колебал самодержавные позиции⁶. Однако царизм полагал себя самодержавным – несмотря ни на какие новые времена, вопреки им. Видимо, власть этого типа не могла быть ограничена (укрошена, приведена в соответствие с эпохой) иначе, как через страшный перелом, через революцию. И XX век действительно пришел за самодержавием (в смысле: «пройдемте») в этом обличье.

Последний относительно спокойный царский год – 1903-й. В семье – долгожданное счастливое событие – рождение наследника (30 июля 1904 г.), но тут-то и приходит «несчастье»⁷. Война, общественная фронда, Кровавое воскресенье (за которым маячил призрак Ходынки), общесоциальный взрыв – столетие взяло «старую власть» в оборот (победно, реваншистски). Вот когда для Николая II начинается «не календарное» – *настоящее* царствование.

Первая революция явилась страшным потрясением для всей властной системы, но прежде всего – для ее персонификатора. Она вышибла его из казавшейся такой надежной позиции: наследник (хранитель самодержавного наследия). Николай II остался один на один с незнакомой, враждебной ему Россией – и не было опыта, на который он мог бы опереться. Самодержец

4. Иначе говоря, принимать во внимание не только «текст», вписанный в историю российской власти (в российскую историю) Первой революцией, но и разного рода «контексты».

5. Ее «философия» проста: у Самодержавия нет конфликта с Современностью – у Самодержавия просто своя современность. Самодержавие моделирует Время России – а не наоборот.

6. Российское самодержавие уже и тогда не было самодержавным в полной мере – ограничено, с одной стороны, государственными институтами, бюрократической процедурой, с другой – земством, университетами, общественным мнением («домашним» и европейским) и проч.

7. Николай II мог бы сказать о дореволюционной жизни так же, как чеховский Фирс о дореформенной: это было «до несчастья» – до воли.

(самодержавие) вдруг оказался в странной, совершенно непривычной позиции – «оборонца». Удары сыпались один за другим, со всех сторон – казалось, на него ополчилось само время.

Год закончился полным поражением: Цусима / Портсмут, сворачивание дальневосточного проекта, который должен был стать николаевским вкладом в дело строительства империи, и Октябрьский манифест, обрушивший долгое романовское самодержавие. Лучше других это понимал виновник крушения: Конституция – так Николай II характеризовал значение содеянного им в ночь с 15 на 16 октября 1905 г.⁸ Это тот редкий случай, когда царская оценка совпала с общественной⁹.

При этом, конечно, никакой закономерности в произошедшем император не усматривал. Для него это – трагическая случайность, вырванная «уступка». И – предательство (двойное): он предал папу и сына – прошлое и будущее династии. В те октябрьские дни этот шаг, видимо, представлялся ему чем-то непреодолимым – конец (своего рода полуотречение). Сказать, что император тяготился случившимся, – значит, ничего не сказать¹⁰. Теперь его жизнь – борьба, попытка рассчитаться за поражение, вырваться из его последствий.

8. «Я сознаю всю торжественность и значение переживаемой Россией минуты и молю милосердного Господа благословить Промыслом Своим – нас всех и совершаемое рукою моею великое дело, – писал император 16 октября генералу Д.Ф. Трепову из Петергофа. – Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ни откуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное! Тем не менее, по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем, уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же» [ГА РФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. Л. 6–7 об]; (Выделено мной. – И. Г.) [см. также: Черменский 1970, с. 144; Шацillo 1980, с. 128–131].

9. «Конституции ты “не веришь” и “не радуешься”, – писал 24 октября 1905 г. петербуржец В. Иванов москвичу В. Брюсову. – “Верить” в ее близкую реальность, конечно, трудно, принимать Государственную думу с функциями учредительного собрания, если она основана не на общеизбирательном праве и не выражает, следовательно, всенародной воли, не следует. Но не радоваться нельзя тому, что самодержавие, принужденное к самоубийству, нанесло себе рану, на этот раз смертельную, – тому, что самый лозунг недавней борьбы – “долой самодержавие” – отныне стал праздным» [Серебряный век 2019, с. 26]; (Выделено мной. – И. Г.).

10. Известны слова, вроде бы, сказанные Сталиным соратникам (подельникам) в первые дни после нападения Германии на СССР: «Ленин оставил нам <страну>, а мы ее просрали». Николаевское положение можно характеризовать подобным же образом: папа отошел от той черты, к которой подвел монархию Александр II, – спас, а он все сдал – «просрал» наследие. Манифест / Конституция для царя – тяжелейшая личная травма. Это, в общем-то, типичная реакция: ограничение (в пользу парламента / демократии) – трагический момент для монархии; ею овладевает ощущение конца (конечности существования / смертности). А общество не желало сочувствовать

Такую возможность парадоксальным образом предоставила сама революция. Она не желала заканчиваться. Манифест («Конституция»), вопреки ожиданиям, не принес успокоения. Революция хотела большего (всего): победить полностью и окончательно, учредить новую Россию¹¹. Ответом на тотальность этих намерений стал подъем контрреволюции. Черносотенная реакция на Октябрьский манифест неожиданно показала, что монарх не одинок в своей борьбе – у контрреволюции есть социальная опора. А московское восстание утвердило во мнении, что революция не всесильна, что на нее есть управа – войска. Появилась надежда на то, что октябрьское поражение не окончательно, что это – только временное отступление.

С декабря 1905 г. контрреволюция – на марше, и Николай II – ее лидер. Вот теперь он – *сознательный* борец с веком; он – на войне, и эта война – его личное дело. Ставка в ней – наследие предков и будущее наследника. Теперь он хочет победы, полной и окончательной. Его намерение – забыть революцию, отправить ее в прошлое. Царь жаждет реставрации (в темпоральном смысле: возвращения из времени революции в прежнее – его, самодержавное, – время).

царской трагедии – оплакивать самодержавие вместе с самодержцем. Петербург (Россия общественная) торжествовал победу.

11. Вот еще одно наблюдение поэта (В. Иванов – В. Брюсову): «Величава и прекрасна была “вечная память” на Невском к вечеру 18 октября (иначе говоря, поминки по самодержавию. – И. Г.). И было чудо: при полном отсутствии полиции не только пешая толпа, но и экипажи двигались, при массовом стечении, в непонятно-стройном порядке... Но митинг в тот же день в университете оставил тягостное впечатление. Лозунг «республика» – провокация масс, роковая тактическая ошибка» [Серебряный век 2019, с. 27]. Тогда общество (его подавляющее большинство) еще ощущало себя в революции, желало добить «старый режим». Выразительницами этого ощущения явились I и II Думы – поэтому и имели характер не государственного института, а всероссийской революционной трибуны (это думы «народного гнева», «штурмовавшие» власть). 27 апреля 1906 г. – 3 июня 1907 г. – время думской революции. Она вспыхнула, когда общесоциальная революция уже прошла свой пик («догорала»). Как и любая революция, она была нацелена на противостояние (правительство – враг), желала победить. Но, не найдя социальной опоры, захлебнулась, свернулась. III Дума – явление послереволюционное: не только из-за ревизии властью революционного (т.е. времени революции) избирательного закона, но и потому что все уже исходило из презумпции – революция закончилась.

Решающие бои происходят зимой 1905 – весной 1906 г.¹². В этой атмосфере принимается новая редакция Основных законов империи, не случайно воспринятая как откат от положений октябрьского Манифеста (нарушение «духа»)¹³. Два роспуска Думы, новый избирательный закон («государственный переворот») – царь на свой лад форматирует постоктябрьскую (после Манифеста) систему¹⁴. И не желает останавливаться. – Однако именно акт

12. Подавление московского восстания (гвардия работает, как на войне – со всей жестокостью, вплоть до пушек), карательная операция генералов Меллер-Закомельского и Ренненкампа на Транссибирской магистрали («предприятие императора» – под личным контролем, награды – в Царском, из рук в руки), усмирение Прибалтики и проч. Затем, после покушения на Столыпина на Аптекарском острове, – новая террористическая вспышка («скорострельная юстиция»). Вот когда у России – злой царь; напрасно Александра Федоровна во время «империалистической» призвала Николая быть Петром, Грозным – он уже был ими (таким). Документы, утверждающие этот факт, систематически публиковались с победы Февраля и до падения Советской власти [см., например: Сторожев 1918; Николай II в 1905 г. 1925; Прибалтийский край 1925; Карательные экспедиции 1932; Царизм в борьбе 1936]. При этом, правда, в «тень» был отправлен другой факт – массового революционного террора. Не станем здесь обсуждать вопрос о соотношении, укажем лишь, что эта война (столкновение двух терроров) в основном стихла как раз к концу 1907 г.

13. Этот акт обе стороны (общество и монархия) могли в равной степени считать и победой, и поражением. Но все же у царя было больше оснований торжествовать. Новая (23 апреля 1906 г.) редакция фиксировала странный симбиоз: парламент – при самодержце. Хотя с позиции начала XX в. он не так уж и странен; для тогдашней Европы была характерна дуалистическая монархия (таковы, к примеру, тогдашние Германия, Австро-Венгрия). Однако эта форма правления действительно строилась на противоречии: соединяла два типа власти, принципиально разные по своей природе, имевшие различные источники легитимности. Поэтому сторонниками каждого из принципов (монархического и демократического) полагалась как бы «недоделанной», ограниченной в своей эффективности – неким переходным состоянием. Вопрос в том, каким будет вектор этого перехода – парламентаризация или реставрация (в том или ином виде)?

14. После 9 июля 1906 г. и 3 июня 1907 г. роспуск рассматривался обществом как постоянный (вошедший в царскую привычку) инструмент думской политики. Что касается нового избирательного закона, то власть сама оценивала его как «*coup d'Etat*» [Записка П.А. Столыпина Николаю II (не позднее 2 июня 1907 г.) // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1352. Л. 14–14 об.]. В советской историографии смысл «переворота» сводился в основном к тому, что в результате расстановка сил в Думе менялась в пользу традиционных и даже реакционных сил. Однако именно эти эффекты акции 3 июня были весьма умеренны, а вот «работоспособный центр» в нижней палате в результате появился. Столетие назад 3 июня 1907 г. полагали государственным переворотом потому, что избирательный закон был принят вопреки прописанной в апрельской «Конституции» правовой процедуре (здесь главным было даже не что, а как). В то же время акция 3 июня действительно имела антидемократический ха-

3 июня 1907 г. становится тем пределом, за которым возможности «реставрировать» заканчиваются. Чрезвычайщина (время лобового столкновения революции и контрреволюции) сходит на нет – система стабилизируется. И оборачивается к монарху своей плохой стороной – ограничениями.

Думу – долой!

В октябре 1913 г., в канун открытия очередной думской сессии, министр внутренних дел Н.А. Маклаков предлагает Думу распустить, а столицу для предотвращения возможных беспорядков объявить на положении чрезвычайной охраны¹⁵. Страна (особенно крупные города) опять неспокойна, и новая (IV – последняя в царской России) Дума отражает это беспокойство: несмотря на, вроде бы, «контрреволюционный» избирательный закон, она оказалась еще менее предсказуемой, чем прежняя¹⁶, МВД, весьма активные попытки которого вмешаться в процесс выборов 1912 г. не принесли очевидных успехов стоит за полицейское решение проблемы: эта дума неспособна оправдать

актер. Движение к демократии предполагает неуклонное расширение избирательного права; Россия же пошла на сужение.

15. В мае 1913 г. отношения правительства с Думой накалились: после оскорбления В.Н. Коковцова, публично нанесенного правым депутатом Н.Е. Марковым-2 (обвинил премьера в покрывании коррупции в Министерстве финансов), министры покинули палату (забастовка!) [Гайда 2011, с. 105–106]. До ухода Думы на каникулы конфликт не разрешился. Очередная сессия грозила новыми осложнениями; к тому же к осени поднялась социальная температура (рабочие волнения, студенческие выступления и т.п.). В этой ситуации Маклаков выступает с планом, смахивающим на театральный сценарий: открыть думские заседания своей речью (чтобы попытаться сразу ввести работу в законное русло «твердой рукой» – предупредить), в случае неповиновения – блицкриг (ропуск и чрезвычайное положение в столице). Так как этот исход казался наиболее вероятным, Маклаков подготовил соответствующие указы и послал их на подпись императору. На заседании Совета 17 октября 1913 г. министры, считая, что в своей оппозиционности Дума зашла слишком далеко, одобрили этот план [см.: Монархия перед крушением 1927, с. 93; Документы о попытке 1987; Аврех 1981, с. 114–117; Дякин 1978, с. 159–164].

16. П.Н. Милюков характеризовал итоги думских выборов как «уплотнение» оппозиции. И так каждый раз – и до, и после изменения избирательного закона. (Как раз история думских выборов – вообще, сильнейшая общественная потребность выбирать, проявившаяся на всех социальных уровнях, – служит лучшим опровержением общепринятого мнения: после 3 июня 1907 г. Россия была деморализована, общество находилось в депрессии.) Страна стремительно менялась: ломались прежние нормы, трансформировались границы дозволенного и не дозволенного, расширялось пространство свободы, множились проблемы, противоречия, конфликты. Быть неспокойной – это и было теперь нормальное состояние России. В этом – и проявление общего подъема, и опасность срыва с пути развития.

царского доверия – а потому распустим ее¹⁷. Император не просто одобряет эту идею, но и намеревается инициировать обсуждение в Совете министров вопроса о лишении Думы части законодательных полномочий¹⁸. Распуск теперь – не цель, а средство; намечается новый переворот – под вопрос уже ставится само существование института российского представительства.

Высота царского замысла – «в рост» «романовскому» году (соответствует его историческому значению). 1913-й – 300-летие династии. Торжества, поездки, речи, выходы, приемы, молебства (звон колоколов...) и в центре всего – царь. Народная любовь, явленная везде, где бы он ни появлялся, кажется ему залогом нерушимого единства самодержца и России. Революция забыта, она в прошлом; 1613-й гораздо ближе и осязаемее, чем 1905-й. Из магии романовских воспоминаний и всеобщего поклонения просто должен был возникнуть проект, направленный против всяческих конституционалистов и конституционалистов. Царский год – лучшее время для того, чтобы, наконец, покончить со «Смутой», подобно предкам, вывести из нее страну.

17. А вот Н.А. Маклакову казалось, что «беспокойство» временно – его просто следует гасить (сделать это основой политики – только так можно привести страну в порядок). И хотя этот министр был скорее политиком, чем «полицейским», он ошибался именно как полицейский (в известном смысле, полицейский взгляд на социальные процессы всегда неадекватен; если руководствоваться только им, можно политику превратить в сплошную ошибку). Однако ошибка эта для того времени и определенных политических сил (назовем их «новыми правыми» – они явились реакцией на революцию, продуктом послереволюционной действительности) характерная. Точно диагностируя опасности происходившей в России социальной революции, они предлагали неадекватное «лечение»: ограничительные меры, репрессию – не чрезвычайно, не ситуативно, а как стратегию, «новый курс». Его суть точно характеризовал один из глашатаев этих сил, П.Н. Дурново: «усмирение» (этот рецепт, по существу, повторяет персонаж известной песни Шевчука: «Но так хотелось, чтоб страна цвела постройе»).

18. «Также считаю необходимым и благовременным обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об изменении статьи Учреждения Государственной Думы, в силу которой, если Дума не согласится с изменениями Государственного совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается, – писал Николай II Маклакову 18 октября 1913 г. – Это при отсутствии у нас конституции есть полная бессмыслица. Предоставление на выбор и утверждение государя мнения большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности и, притом, в русском духе» [Монархия перед крушением 1927, с. 91, 92]. При обсуждении законопроектов несогласие одной из палат одобрить поправки, внесенные другой, влекло его неминуемое «падение» – на «вершину» (на высочайшее утверждение) он уж не поступал. Изменение этой практики означало вторжение в «Основные законы» – император повышал ставки в политической игре, затеянной его министром. По существу, речь шла о полномасштабном конституционном перевороте – «обнулении» результатов революции.

Завершить 1913-й в «романовском» духе не удалось. Затея Маклакова изначально была порочна; в каком-то смысле – сродни политической провокации¹⁹. К тому времени уже было ясно, что роспуск – неэффективный способ ведения политических дел; слишком высока его цена²⁰. Императорское же предложение и вовсе обещало масштабный политический (конституционный) кризис, создавало угрозу хрупкой стабильности, балансу сил (равновесию, устойчивости). Это, судя по всему, понимал и сам министр; хоть и «пламенный контрреволюционер», а реализовывать «затею» по существу отказался – предложил царю известить о ней Совет министров (т.е. вести дело самостоятельно)²¹.

19. Не в примитивном, конечно, смысле: он хотел подставить царя. По своим произвольности, антиправовому характеру и последствиям эта затея столь же провокационна, как поощрение царских контактов с черносотенцами. «Моя мечта, – писал Маклаков, – поскорее и покрепче починить, что можно, в нашей внутренней жизни для того, чтобы для Наследника подготовить другую обстановку, чем та, в которой мы, благодаря предателям России, живем теперь» [цит. по: Гайда 2012]. На повестке была большая программа контрреформ: обуздать печать, ограничить общественную практику выборности / самоуправления, усилить административный надзор / контроль и проч. Речь шла о целой политической линии, направленной на подрыв постреволюционного режима. На эту линию мог опереться в своих реставрационных намерениях Николай II. Не случайно он так держался за этого министра. Тот был для него кем-то вроде Столыпина времен II Думы и третьеиюньского переворота. Но Маклаков – усеченный (опроценный) Столыпин: он не реформирует – только «реставрирует».

20. Лучшие всего это продемонстрировала мартовская, 1911 г., история. Тогда обе палаты признали действия правительства (роспуск парламента и утверждение проекта о западном земстве именным высочайшим указом Правительствующему Сенату, по ст. 87 Основных законов) незаконными. Депутаты сочли, что власть покусилась на самый представительный принцип. Иначе говоря, эта акция спровоцировала политический (или конституционный, как тогда говорили) кризис; механизм взаимодействия Столыпина / Совета министров с Думой разладился. Предвидя негативные последствия роспуска, против него возражал весь кабинет; дело решили «переговоры» Столыпина с Николаем, причем император принял план премьера только после того, как тот запросил отставку – это уж слишком напоминало бы практику парламентаризма [см.: Письмо Николая II П.А. Столыпину 9 марта 1911 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1125. Л. 3–4; Аврех 1968, с. 334–338, 349; Кризис самодержавия 1984, с. 494–495 и др.]. Буквально накануне мартовского кризиса палаты прошел столыпинский аграрный проект (14 июня 1910 издан закон о крестьянском землевладении, в основу которого был положен высочайший указ от 9 ноября 1906 г., давший старт преобразованиям). Приобретя двойную легитимность, думскую и царскую, реформа деревни официально стала общим делом власти и общества. Успех необходимо было развивать – а тут планировался новый конфликт; градус противостояния повышался до чрезвычайного.

21. См. письмо Маклакова императору 22 октября 1913 г. [Дневники и документы 2003, с. 187–188].

В октябре 1913 *coup d'Etat* не удался; все как-то само собой сошло на нет²². История, однако, на этом не закончилась, очень скоро получив продолжение. В начале лета 1914 г., в разгар рабочих забастовок в Петербурге, Маклаков вновь выступил с предложением распустить Думу. 18 июня на заседании Совета министров под председательством царя, где, помимо темы столичных забастовок, обсуждались европейский кризис и трудности, возникшие при проведении через законодательные палаты государственного бюджета, Николай поддержал идею роспуска. При этом объявил о своем желании («давнишнем намерении») изменить статус Думы – превратить ее в законосовещательный орган (см.: Допрос 1925, с. 437; Кризис самодержавия 1984, с. 534–535).

Любая власть стремится к расширению, пытается взорвать ограничения, которые встречает на своем пути. В России это делается особенно успешно. И в каждый исторический момент в этом деле есть главная задача²³. В чем была «суперпроблема» нашей власти в 2000–2010-е годы? В том, как уйти от конституционного ограничения президентских сроков. Простой прибавки («четыре плюс два» – основное достижение президентства Д.А. Медведева) оказалось мало – необходимо было полностью реформировать процесс трансляции власти. Отсюда – идея «обнуления», которая потянула за собой большой антиконституционный проект. В конце XIX – начале XX в. главным для самодержавия было не допустить общество к со-власти (соучастию во власти). Когда политическая реформа все-таки случилась, реанимировать самодержавие можно было только одним путем – лишением всероссийского представительства законодательных полномочий. Иначе говоря, задачу момента для персонификатора следовало бы сформулировать так: долой Думу!

Совет министров заблокировал царскую идею. Причем выступил именно как объединенное правительство – против думского «обнуления» резко возражали все министры (кроме Маклакова). По существу, они исходили из того же факта, что и император (хотя публично он этого и не признавал): с 1905 г. мы имеем дело с новой политико-правовой реальностью. Но оценивали его иначе. Для Николая это – *плохая* реальность («неправильная», «испорченная» система – и ограничивала, и мешала управлять), которую необходимо испра-

22. Совет министров отказался от маклаковской «чрезвычайщины» – в конечном счете с Думой удалось договориться [см.: Коковцов 1992, с. 140].

23. Точнее, задача всегда одна: как сохранить ничем не ограниченную власть персонификатора. Дальше – «техника». Но все-таки главные ограничения разнятся от эпохи к эпохе. Поэтому меняются и технологии властной экспансии, варианты реализации «кратократического транзита».

вить²⁴. Для министров – та данность, с которой и следует иметь дело. А царское намерение – ошибка: его невозможно реализовать, да и зачем?

Интересная диспозиция: император, желавший только «реставрировать», по существу предлагал революционную перестройку наличной системы (консервативную «революцию сверху»); Совет министров же, опротестовавший это намерение, выступал с охранительных позиций²⁵. При этом «революция сверху» имела вполне традиционную цель, а министры-«легалисты» защищали обновленный (конституционный) строй. Царскую логику можно описать старой формулой: монарх не выше закона, монарх и есть закон; в следовании этому принципу – органика русской государственной жизни, поэтому его следует восстановить. Министры, удерживая Николая II от ошибочного решения, по существу, призывали его остаться в рамках, обозначенных «Основными законами» империи. Иначе говоря, утверждали: правовой произвол недопустим; монарх не выше закона – он «вписан» в закон²⁶. Это не бунт, не фронда – хуже: это революция, тем более опасная, что пришла она не извне, а изнутри системы²⁷. В таких условиях николаевский переворот был невозможен (не на кого опереться) – и царь отступил²⁸.

24. Дума (и все, что с нею связано), по мнению царя, вносила неопределенность в процесс законотворчества, повышала риски реформационного процесса, вообще была источником нестабильности (беспорядка) в системе. Это характерный для автократа взгляд на демократические институты и процедуры. Следует, однако, подчеркнуть: законодательный процесс после 1906 г. и был таковым – его непредсказуемость объяснялась тем, что он «зависел от очень многих сил» [Соловьев 2012, с. 62]. Многополюсность, отсутствие предопределенности, развитие через кризисы и их преодоление на компромиссной основе – все это признаки демократической политики (демократизации политики).

25. Конечно, царские министры – не «протестанты»; не желая идти по пути силового решения думского вопроса, настаивая на диалоге с Думой, они руководствовались вполне практическими соображениями. Ограничение самодержавия уже состоялось – это нужно признать, из этого исходить. Показательно: представляя в думах разных созывов правительственные программы, «третьеиюньские» премьеры (Столыпин, Коковцов) подчеркивали намерение действовать на строго правовых основаниях, установленных Манифестом 17 октября и Основными законами–1906. Отказ от этого означал, что верховная власть, помимо прочего, разрушала собственную конституционную легитимность (т.е. важнейший элемент легитимационной «базы» монархии).

26. Несколько утрируя, посыл министров, адресованный царю в июне 1914 г., можно «сравнить» с тем требованием, с которым обращались к власти советские правозащитники: соблюдайте собственную Конституцию!

27. Министры, видимо, полагали, что спасают не систему от императора, а его вместе с системой. То есть рассматривали свои действия не как неподчинение / конфликт (а себя – не как оппозиционеров), но как служебную обязанность (император заблуждается – поправим его). Министр юстиции И.Г. Щегловитов (совершенно

Как ни странно, эти эпизоды (эту историю) принято рассматривать, как свидетельство поражения послереволюционной системы. То был, действительно, опасный для нее момент (кризис, испытание). Нарушения прав парламента, характерные для всех дуалистических монархий, все-таки имели определенные границы. Случись так, как хотел Николай, и конфигурация политического пространства, построенного на компромиссе двух принципов (монархического и парламентского), была бы разрушена. Никакого возвращения к прежнему не произошло бы (это вообще невозможно; «возвращение» и «стабильность» – идеология, а не практика «кратократических транзитов»²⁹). Система двинулась бы новым курсом, чреватая опасностью диктатуры²⁹. Иначе говоря, последствия незначительной (как представлялось Николаю II) правки системы могли быть самыми радикальными.

В конце мая 1915 г. большинство членов Совета обратились к его председателю, И.Л. Горемыкину, с требованием отставки нескольких министров, и прежде всего Маклакова – «ввиду полного несоответствия его деятельности современным условиям» (см.: Гайда 2012). Так вот, вся николаевская (нико-

«правый»), к примеру, заявил, что считал бы себя изменником в случае поддержки предлагавшейся Николаем II меры (эти слова сказаны на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, поэтому в них есть оправдательный оттенок, но «атмосферу», настрой они передают) [см.: Допрос 1925, с. 438]. Однако бороться с ошибкой монарха можно тогда, когда оцениваешь его намерения (его роль) с точки зрения не сакральной, а формальной, правовой. Когда государство и государь больше не одно и то же (две эти идеи в русских умах, наконец, разошлись). А это и есть революция в восприятии власти – новый (характерный для современного мира, для XX в.) подход к ней.

28. Вот каким, по свидетельству Щегловитова, было резюме Николая II: «Очевидно, вопрос надо оставить». Внутренне, вероятно, протестуя против такого исхода, на конфронтацию царь не пошел. Это было против обычной практики – как правило, Николай II утверждал мнение большинства Совета, даже если и был согласен с меньшинством. Конечно, он не считал себя связанным «коллективным мнением»; будучи волен в назначениях и увольнениях министров, поправляя (одергивая) и направляя эту «коллегию». Тем не менее, как фиксируют исследователи, история послереволюционного Совета министров знает сравнительно мало случаев отклонения монархом рекомендаций правительства [см.: Кризис самодержавия 1984 с. 271; Флоринский 2006, с. 353].

29. При слове «диктатура» на ум сразу приходят Муссолини, Франко, Пилсудский, Салазар (не говоря уже о Гитлере и Ленине-Сталине). То, что полагалось диктатурами в XX в. Здесь этот термин используется довольно условно (скорее, как метафора) – для характеристики интенций, тенденций, политической линии во власти и обществе, явно обозначившихся на переходе из XIX в XX. Эта тема звучит в тогдашней европейской истории как «предчувствие»; тоталитарные диктатуры – в будущем; чтобы они состоялись, нужна была мировая война.

лаевско-маклаковская) затея, с начала до конца, не соответствовала «современным условиям». В России конца «нулевых» – начала 1910-х не было сколько-нибудь массового запроса на такого рода перемены (восстание самодержавия, диктаторские политновации). Общество было недовольно и тем, что имело; намеревалось идти дальше, а не отступать; ответом на царский блицкриг была бы гражданская война (в тех или иных формах)³⁰. Государство и государственники, занятые практической (в том числе реформаторской) работой, были заинтересованы не в конфронтации, а в сотрудничестве с общественными силами (возможно, больше самих общественников)³¹. Обывателю были одинаково не нужны ни революции, ни контрреволюции; они уже случились, причем совсем недавно, «напомнив» о ценности порядка / стабильности. Царское «предложение» не имело шансов получить «спрос» – и потому было обречено. А с лета 1914 г. все прежнее стало несущественно – война.

30. Революция для общества – реакция на избыточность русской власти (ее навязчивое намерение быть властью с большой буквы). Она должна была стать преодолением самодержавия – и через это снять ограничения для реализации «новых людей» (новых модальных типов личности), новых социальных идей, тенденций, форм. То, что в постреволюционной России царя (царского) оставалось слишком много, не позволяло обществу признать ее успешной – и снять лозунг «долой самодержавие!».

31. Показательно отношение высшей бюрократии к Манифесту 17 октября: это «большая социальная реформа» [Из писем 1926, с. 218]; «для престола опасно уклоняться привести его в исполнение» [Из дневника 1924, с. 57]; «ежели в России начнется репрессивная реакция, и будут приняты меры, не соответствующие словам манифеста, то нет сомнения, что это отзовется крупными беспорядками...» [Письма 1926]. Да, бюрократические элиты не были едины; разные (вплоть до непримиримости) позиции, суждения, взгляды. (Кстати, сам раскол в «верхах» на (условно) «правых» («убежденных монархистов», как характеризовали Н.А. Маклакова) и «левых» (либеральных бюрократов), особенно очевидный после революции, свидетельствовал: пришли новые времена. В самодержавной системе такое было попросту невозможно; там действовал один принцип – царская воля.) Однако понимание того, что курсу на обновление (с поправкой: «консервативное обновление») нет альтернативы, все-таки преобладало. Это во многом было связано с внешнеполитическими делами – поражениями в таких войнах, как Крымская и Русско-японская, бывшими, по существу, проигрышем более современному миру; они вели не только к модернизации армии, но и к социальной демократизации. И так было не только в России [Orlowsky 1981, с. 202, 209 и др.]. Наконец, для бюрократических элит имел значение репутационный фактор: чтобы говорить в Европе XX в. полным голосом, следовало соответствовать ее пониманию того, как должно быть устроено цивилизованное (т.е. европейское) сообщество. С конца XIX в. в числе признаков, отличавших передовые нации, были конституционный строй и правовое государство – как современная альтернатива «старому порядку» [см.: Боляшкова 2016)].

Обновление / обнуление – что удалось

В чем значение «маленькой царской» истории 1913–1914 гг.? Она обнажает скрытую суть того режима, который принято называть «третьеиюньским»³². Это важный этап на пути утверждения новой, послереволюционной системы – ее становления именно как *новой* и *постреволюционной*. В рамках этого режима сохранился тот главный импульс, который был придан России в 1905 г.: к плюрализации властно-политического пространства. Более того, он все больше определял политическую динамику, вектор развития.

Да, политико-правовая система, закреплённая Основными законами, оказалась более авторитарной и менее соответствовавшей духу времени, чем она могла бы быть. Слишком высока оказалась концентрация власти, оставленной в руках монарха («института-персоны»), и ограничены права представительства. Это не парламентская, а, скорее, *полупарламентская* монархия³³: «институт-персона» (монарх) был не только сохранен, но и доминировал в пространстве власти³⁴. Хотя Основные законы 1906 г. и фиксировали факт

32. Этот режим имеет в нашей истории контрреволюционную репутацию: надзорность власти монарха сохранилась, не была преодолена – революция не выполнила своей основной задачи. Государственный строй не был обновлен; если мы и имеем дело с каким-то «транзитом», то точно «кратократическим». У этой оценки есть некоторые основания, но в целом она все-таки неадекватна.

33. По аналогии с тем определением, которое М. Дюверже дал модели власти, введенной веймарской Конституцией 1919 г.: полупрезидентская [Краснов 2019, с. 284]. И та, и другая модели – смешанные, а значит, могли иметь разные модификации (в нашем случае – как приближающиеся к парламентской системе, где монарх царствует, но не правит, так и большие тяготеющие к старой, самодержавной, где полномочия монарха перекашиваются систему в его пользу).

34. Надо сказать, это сложнейшая задача – соотнести в Конституции два принципа, монархический и демократический, вписать монарха в систему разделения властей; любые варианты будут спорны и противоречивы. Авторы Основных законов 1906 г. двигались, в общем-то, традиционным путем (применяя европейские рецепты трансформации абсолютных монахий). Конструкция Основных законов во многом была обусловлена тем, как шел конституционный процесс. Пороки этого акта объяснялись (и объясняются) тем, что он оказался продуктом одной политической силы – самодержавия / бюрократии. Она и отформатировала конституционную реформу на консервативный лад. Власть действительно вела весь процесс. Но, во-первых, это типовой путь; альтернатива ему – Учредительное собрание. А, во-вторых, самодержавной стороне не удалось монополизировать дело. Общество активно в нем участвовало – как «проектно» (1905 г. – время петиционной кампании, альтернативных «рабочих групп», публикации в прессе и подачи на высочайшее имя соответствующих текстов, встреч общественников с монархом и представителями правительства), так и прямым действием (Октябрьской политической стачкой принудило изменить «булыгинский» закон в желательную для себя сторону). Иначе говоря, конституционный процесс имел и элементы «Учредительного собрания» (если понимать его именно

утраты царизмом монополии на власть, сама форма этой фиксации оставляла сомнения (свершилось ли?). Неслучайно общество³⁵ полагало, что думский (демократический, инновационный) принцип в постреволюционной системе не просто выражен недостаточно, но принесен в жертву принципу монархическому. Отсюда – и сверхкритическое отношение к Основным законам³⁶, и понимание эпохи 1906–1914 гг. как пред-, а не послереволюционной.

Многое, однако, зависело от того, как будет функционировать новая властная конструкция. Конституция устанавливает рамки – дальнейшее определяется политико-правовой практикой. В России 1906–1914 гг. политический

в процессуальном смысле); Основные законы 1906 г. были результатом острейшей социально-политической борьбы и политического компромисса.

35. Под обществом понимаются наиболее «продвинутые» (сформированные европейской культурой, образованием, опытом современной жизни) слои и группы, обладавшие признаками гражданственности. Оценивая с позиции «после 1917 г.», можно сказать: это чрезвычайно тонкая пленка цивилизации (цивилизованная / цивилизующая), накинута на Россию; они были обречены в силу крайней малочисленности и отчужденности от народа. Но в том XX в. (до 1917-го), о котором мы говорим, это – наиболее активные, влиятельные, созидательные элементы народа (субъект развития). Мгновенно и как бы ниоткуда возникшие в 1905–1914 гг. партии были выразительницами их мнения, их политическим голосом. Идентичность этих сил – по преимуществу, думская, выборная; голос – оппозиционный. Да и апелляция к царю (случай «новых правых») была уже не вопросом веры, а политического выбора. Поднимая на щит самодержавный принцип как священный (утверждая, что он не может быть оспорен), «правые» XX в. вполне могли войти в оппозицию к монарху, критикуя его политическую линию (т.е. «оспаривать» конкретного персонификатора с политических позиций).

36. «Куцая конституция» (см. эпиграф к данному тексту) – не просто блоковское слово, брошенное походя, по другому поводу. Хотя, конечно, «Поэты» – прежде всего, манифест Творца, отрицавшего пошлость, презиравшего мещанство. Но по конституции Блок прошелся не случайно – это не безответственный выпад безответственного поэта, а общественное мнение, обличенное в поэтическую форму. Данная точка зрения зафиксирована и в науке того времени. «Тот строй, который установился у нас после 1905 г., был типично лжеконституционным строем», – писал в революционном 1917-м видный юрист Е.В. Спекторский [Спекторский 1917, с. 9]. То есть в России 1905–1917 гг. имел место псевдо-конституционализм: фикция, обман – «ложь» в прямом смысле этого слова. Современной наукой этот взгляд если и скорректирован, то лишь отчасти. Так, по мнению М. Малиа, события 1904–1907 гг. воспроизводят, «образец «прерванной революции», которая уже имела место в Пруссии и Австрии в 1848 г., т.е. сокращенный классический сценарий европейской революции, заканчивающийся псевдоконституционализмом (Schienkonstitutionalismus)» [Малиа 2015, с. 298]. Акцентируется «мнимость» этого строя, хотя для его характеристики вполне уместна иная формула: конституционализм в стадии формирования (не результат «неправильного развития», не декорация / имитация, а начальная, незрелая еще форма конституционализма).

процесс складывался так, что монарх оказался «утоплен» в новой реальности, испытывал давления, стеснения, принужден был бороться против ущемления своих прерогатив, идти на уступки, искать поддержку, участвовать в политических комбинациях. Такого аргумента, как царская воля, здесь было уже недостаточно. В самодержавной вселенной все замкнуто на один институт: самодержца³⁷. Революция окончательно «разомкнула» эту «вертикаль», ментально и институционально³⁸.

Наиболее очевидно это демонстрирует думская история. При обсуждении проекта обновления государственного строя на Петергофских совещаниях (июль 1905 г.) на Думу предлагалось смотреть с традиционной точки зрения – как на инструмент монархии³⁹. Вышло иначе – монархический принцип не смог подмять под себя думский. Напротив, все время своего действия думский принцип оспаривал монархический, служил для него вызовом. Дума действительно явилась второй властью – источником радикального обновления и демократизации системы⁴⁰. Прибавим, что и Государственный совет не

37. А.С. Алексеев определял самодержавие как власть, которая не ограничена другой – вне ее, рядом с ней или над ней стоящей властью; никакая другая власть не могла положить предел власти российских самодержцев [Алексеев 1905, с. 190].

38. В науке прижилась «старая» формула: в России, вследствие «половинчатого реформизма» оказалось «совершенно невозможно либерализовать и модернизировать самодержавие, не разрушая его основ» [Lampert 1965, p. 91]. Все ровно наоборот: модернизация власти и заключалась в отходе от самодержавия – разрушении этой основы «старого порядка» с помощью политико-правового инструментария. Плюрализация властно-политического пространства и означала конец самодержавия.

39. «Самодержавная власть составляет сосредоточение и источник всей власти... Все исходит от нее и в ней сосредоточивается. Но ... Самодержавная власть не может действовать непосредственно и имеет исполнительные органы в области законодательства, администрации и суда», – таковы аргументы, которые должны были «помочь» императору смириться с Думой [Петергофские совещания 1917, с. 135].

40. При оценке роли Думы в системе власти следует учитывать, как минимум, два фактора. Первый – своего рода предварительный: в России начала XX в. оказалась возможна представительная демократия – был ее субъект (по преимуществу, это «цензовая» общественность; именно она и была представлена в Думе); при наличии не зависимой от власти партийной системы и реальных выборов получить «послушный парламент» (т.е. то, что противоречит самой парламентской идее) было изначально невозможно. Второй фактор – «функциональный»: Дума (думцы) всячески пыталась вырваться из системы ограничений, установленной Основными законами, используя те возможности, которые они же ей предоставляли, и изыскивая новые (через думские комиссии, где правительственные проекты подвергались существенной правке, систему запросов министрам, консультации и проч.) [см.: Соловьев 2012]. В результате каждая думская сессия превращалась в борьбу за расширение своего влияния – причем не только на законодательство, но и на управление (на что неоднократно и крайне болезненно реагировал император). Наконец, не будем забывать и о факторе публичности: пресса не просто держала Думу в фокусе обществен-

остался в том положении, которое ему изначально предписывалось – быть противовесом Думе. Об этом свидетельствует, с одной стороны, история «новых правых», с другой – Прогрессивного блока. В основном противостоя Думе, но иногда и солидаризируясь с ней (как часть единого института представительства), конфликтуя с правительством, Совет тоже стремился к накоплению субъектности.

Симптоматично: Николай II боролся с Думой именно как с ограничением («институтом-ограничителем») – причем с таким, которое он не мог отменить простым росчерком пера (для устранения нужна была целая политико-юридическая операция). Вообще, вся его «думская политика» (конфликты, отсрочки, изменение избирательного законодательства, роспуски и проч.) – это уже игра на новом, *не-самодержавном*, поле⁴¹. И чем дольше он «играл», тем больше менялся смысл этой роли: царь (точнее, она лишалась своего изначального, высшего, смысла)⁴².

Помимо главной оси «император – представительство», в постреволюционной системе действовали и другие линии напряжения, пронизывавшие в том числе «царское государство». По Основным законам 1906 г., «ключ» от исполнительной власти был у монарха. Мариинский (резиденция Совета

ного внимания; постоянно освещая конфликтный процесс взаимодействия с правительством, она способствовала укреплению ее позиций, ее веса в глазах потенциального избирателя.

41. Собственно, намерение императора нейтрализовать «фактор» Думы (сконструировать такую ситуацию, где Дума, вроде бы, и есть, но ее и нет – как самостоятельного игрока, помехи для самодержца) лучше всего подтверждает: он был включен (вовлечен) в эту новую реальность (где есть не только Дума, но партии, выборы, партийцы, избиратели – и все не подконтрольно ему, монарху). И признавал это; она его тяготила, раздражала, провоцировала. Царь хотел ее отменить – перезагрузить систему (вернуться в «лучшие времена»). Это реакция «лишенца» – самодержца без самодержавия. Самодержец появился («дорос» до этой роли, состоялся), а самодержавия (порядка, в котором царь есть все – единственный субъект, главный «резон») уже не было. То есть реальность была прямо противоположна тому, как ее рисуют (и «мемуаристы», и исследователи в основном исходят из презумпции: Николай II – пример самодержавия без самодержца).

42. Уже в рамках «третьеиюньского режима» очевидна динамика роли – из фигуры сакральной в политическую. Сам Николай II (вместе с огромной частью населения империи) видел себя традиционным русским царем – а сложная реальность XX столетия заставляла его быть политическим игроком (пока еще главным, но уже не единственным). Тем самым уничтожалась (изымалась) высшая для власти этого типа легитимность – сакральная: власть от бога не играет в земные игры, не опускается до борьбы с «земными» властями. Это, кстати, продемонстрировал «романовский год»: традиционные царские поездки и выходы чем-то походили на предвыборное шоу – правда, собирал монарх не голоса, а народную любовь. XX век сроднил царей и политиков, обрел на постоянную гонку за внимание / симпатии масс.

министров) воспринимался как своеобразное «продолжение» Зимнего [Куликов 2017]⁴³. Топография тем не менее отражала реальную ситуацию: «Маринский» не был тождественен «Зимнему»; подобно законодательной, исполнительная власть стремилась к усилению своего влияния⁴⁴. Совет министров все больше сознавал себя объединенным правительством, был склонен к расширительному толкованию своих полномочий⁴⁵. Это радикальным образом

43. Иначе говоря, они «выглядели» не как два института, а как один: император – субстанция, а Совет министров (даже в обновленном в октябре 1905 г. виде: объединенного правительства) – функция. За прошедшее столетие эта точка зрения была слегка откорректирована, но не изменилась по существу. Совет министров являлся лишь одним из инструментов управления, «все нити которого по-прежнему оставались у императора» – таков доминирующий в науке взгляд [Соловьев 2009, с. 62].

44. Именно по этой причине нельзя сказать, что послереволюционная система отрицала разделение властей. Этот принцип проводился в Основных законах 1906 г.; практика способствовала его проявлению, усилению, что работало против монархической организации системы власти (подрывало «вертикаль»). Монарх все больше погружался в эту плюралистическую среду (тонул в ней). В этом смысле ставший уже привычным тезис «император стоял над системой разделения властей» не вполне точно описывает реальность 1906–1917 гг. Скорее речь должна идти о весьма конфликтном сосуществовании монархического и демократического принципов: один верховенствовал, другой, набирая силу, все больше опровергал верховенство.

45. Ст. 121 Основных законов 1906 г. возлагала ответственность перед императором за общий ход государственного управления на председателя Совета и министров. Однако в официальных документах она интерпретировалась таким образом, что ответственным выступало именно объединенное правительство [Флоринский 2013, с. 192]. Председатели боролись с проявлениями ведомственного сепаратизма; П.А. Столыпин удалось усилить контроль кабинета за деятельностью Военного и Морского министерств, а также МИДа. Летом 1909 г. Столыпин инициировал рассмотрение в Совете вопроса о сфере его компетенции (что само по себе симптоматично); в докладе премьера правительство толковалось как высшее административное и политическое учреждение [Флоринский 2013 с. 194]. Это – идеология Совета как корпорации, самостоятельного центра силы; такова «миссия» столыпинского правительства. Есть сведения, что в последние месяцы пребывания у власти Столыпин разработал программу преобразований, предполагавшую внесение изменений в закон о Совете (помимо прочего, министры должны были назначаться царем только по представлению премьера) [Зеньковский 2002, с. 101–102]. Историки считают эту версию вполне вероятной – она соответствует столыпинским намерениям укрепить позиции правительства в системе власти [Флоринский 2006, с. 357]. При этом подчеркивают, что усилия по превращению Совета министров во влиятельный институт, с которым должен был считаться (прежде всего) монарх, не имели под собой прочного институционального фундамента [Флоринский 2006, с. 203]. Это ставило процесс самоутверждения Совета в зависимость от случайных факторов (амбиций и взглядов премьеров, министров, особенностей политического момента и т.п.). Однако и после Столыпина стремление Совета быть в политике и играть ключевые роли, вопреки

меняло традиционную диспозицию, в рамках которой царь и был «объединенным правительством» (всеми министрами в одном лице). Противоречия между царем и кабинетом, сопровождавшие всю послереволюционную историю, – показатель этой перемены.

Становлению института правительства, безусловно, содействовал «фактор Думы». Именно Совет министров явился пространством пересечения интересов двух «государств» – «царского» и «думского». Противостоя Думе, Совет постоянно искал (вынужден был искать – причем в соответствии с Основными законами) возможности для диалога⁴⁶. Если в отношениях царя и думы действовал принцип взаимоограничения, то в отношениях думы и правительства – принципы взаимозависимости и взаимодополняемости. А это уже совсем другая – не «царская», не «служилая» – идентичность; это основа для роста субъектности⁴⁷. Последствия – очевидны: чем больше Совет

расхожему мнению, никуда не ушло – то и дело, так или иначе проявлялось. Рассматриваемая нами история 1913–1914 гг. – тому подтверждение.

46. Совет министров был в значительной степени зависим от палат. Прежде всего, конечно, в процессе законотворчества. Но и в части реализации государственной политики исполнительная власть вовсе не была автономна от законодательной. После назначения императором министров председатель Совета должен был представить перед палатами программу действий правительства. Формальным ограничением исполнительной власти в пользу представительства являлось конституционное обязательство проводить через палаты бюджет («государственную роспись доходов и расходов»). «Законодатель» работал над ним глубоко и серьезно, да и вообще держал правительство в постоянном напряжении. В отношениях с представительством Совет был просто обречен действовать в режиме компромисса. Диктат, даже вынужденный (обе палаты были вовсе не склонны к соглашательству; думцы гнали за политическими выгодами в ущерб государственной работе, нередко вели себя с «бюрократами» вызывающе, а иногда и оскорбительно), приводил к прямым столкновениям и политическим кризисам. Парадоксальным образом именно политическая «игра» с представительством усиливала Совет как самостоятельный институт. Попытки же отказаться от роли «политика» (которые с энтузиазмом поддерживал монарх – это было в его политических интересах) вели к расстройству отношений с палатами и снижению значения правительства [см.: Гайда 2011].

47. Согласимся с мнением Б.Э. Нольде: «Нормально организованный, воплощающий идеи единства и солидарности, совет министров возможен, конечно, и вне наличности принципа ответственного кабинета. Однако во многих странах именно принцип ответственности создал институт совета министров» [Нольде 1911, с. 187]. Однако видный юрист и деятель кадетской партии указывает на то, чем завершается история – кабинет по конституции переходит под контроль парламента. Практика же 1906–1917 гг. демонстрирует, как происходит формирование института правительства (как совершается / делается история). Это два подхода, предполагающие анализ одного и того же предмета с разных точек зрения (позиций).

министров ощущал себя (и становился) национальным правительством, тем сильнее колебался монархический принцип⁴⁸.

В конечном счете в постреволюционную эпоху царизм не смог навязать обществу алгоритм «кратократического транзита» (т.е. вернуть утраченную субъектность – восстановиться и восстановить «старый порядок»). Не была решена главная задача самодержавной реставрации: «обнуление» конституционных прав Думы. Попытка покушения монарха на Основные законы не удалась; конституционный дуализм, прописанные в законодательстве институты и процедуры сохранились. Возможно, российская «конституция» 1906 г. и была «куцей», но она – *была*. И выполняла свое назначение – ограничивать автократа (сдерживать инстинкт царской власти к экспансии)⁴⁹ – XX век все-таки поймал русского властителя (русскую власть) в ловушку. Для России это исторический переворот – не меньший, чем петровский.

Политическая система 1906–1917 гг. не была застывшей, раз и навсегда определенной. Напротив, еще не устоялась, находилась в постоянном движении, в ее рамках происходила борьба за власть и перераспределение власти. Эта эволюция не была линейной – случались и прорывы, и откаты; неизбежны были противоречия, столкновения, политические кризисы. Но она была способна к демократизации – и трансформировалась именно в этом направ-

48. Иначе говоря, политическая практика вела к дальнейшему расщеплению властей; и институционализация исполнительной власти имела тогда (в условиях, когда судебная власть была достаточно самостоятельна, а думский принцип пробивал себе дорогу при поддержке всего общества) едва ли не решающее значение. Притом правительство в своей борьбе за автономию не было поддержано общественными силами; напротив, находилось в самой уязвимой позиции, подвергаясь ударам как со стороны обеих палат, так и со стороны императора и двора (в этом тексте мы не касаемся роли последнего, но это, безусловно, важный политический игрок, претензии и влияние которого в турбулентной ситуации послереволюционной «переходности» значительно выросли).

49. Притом что Основные законы 1906 г. проектировались под большим влиянием старой (самодержавной) системы, они оказались «неудобны» для монарха. Такой и должна быть Конституция – автократ не может просто взять и подогнать к своей «мерке», обработать по своему вкусу; такого рода «портняжные» эксперименты обесмысливают Основной закон. Однако условием функционирования системы являлось признание Конституции всеми участниками политического процесса. А оказалось, что отбросить ее как безделицу, бессмысленное ограничение могут те, от кого это менее всего можно было бы ожидать: сами «конституционалисты». В феврале 1917-го думцы (прежде всего, кадеты – конституционные демократы!) выбрали революцию – против конституции. Осудили ее – как «лживую», «мнимую», «куцую» – вместе с царизмом. Тем самым поставили под вопрос саму возможность конституционного порядка (установления порядка на конституционно-правовых основаниях).

лении⁵⁰. Властная конструкция Основных законов 1906 г., в значительной степени персонифицированная, плюрализировалась *de facto*, что создавало предпосылки для ее корректировки *de jure*. Тем самым обеспечивалось бы ее соответствие той «декларации прав», что была провозглашена Манифестом 17 октября и ст. 69–83 Основных законов (гл. 8 «О правах и обязанностях российских подданных»). Характер политической культуры общества, качество политического класса, социальная «диспозиция» (все то, что юристы называют «действительной» или «фактической» конституцией) были таковы, что с достаточной степенью уверенности можно предполагать именно такой сценарий развития.

* * *

Неотменяемая сущность истории – в том, что природа общества со временем имеет обыкновение меняться. Эти изменения, даже если они не слишком очевидны, оказываются сильнее традиций (традиционного): втягивают в свой ток, подрабатывают под себя. Эпоха рубежа XIX–XX вв., частью которой является Первая революция, в этом смысле – рекордсмен; изменения и были их сутью⁵¹. Происходил колоссальный сдвиг – заканчивалась одна пора мировой истории и начиналась другая. Россия (как, к примеру, и Германия) была на острие этого перехода: от многовековой аграрной цивилизации, организованной в самодержавно-крепостнический, сословный порядок, где ос-

50. Большинство исследователей, отмечая крайнюю неустойчивость «третьеиюньской» системы, считают ее исторически бесперспективной, исчерпавшей себя уже к 1914 г. [см., напр.: Лукоянов 2005, с. 60, 63]. Представляется, однако, что это был только начальный (и наиболее сложный) этап на том историческом пути, которым в начале XX в. (вслед за всей Европой) пошла Россия. Везде он был чрезвычайно конфликтным, приводил к кризисам, смене политических режимов и т.п.; нигде его результаты не были предопределены. Тот вариант развития, политико-правовыми источниками которого были Манифест 17 октября и Основные законы 1906 г., не зашел в тупик – он попросту не успел реализоваться. Срыв (в самых неблагоприятных исторических условиях) произошел до достижения точки невозврата на этом пути.

51. Современность / Модерн – беспокойный мир, время непрерывных социальных изменений [Малия 2015, с. 257]. В России (как, собственно, во всей Европе) они носили универсальный характер – затрагивали страну в целом, во всех ее измерениях. Власть могла их регулировать, но не способна была остановить; более того, она и являлась одним из источников этих изменений. Чтобы оставаться «в Европе», в мировой политике, в истории, она была вынуждена идти этим путем. Притом «Дворец» больше не был единственным штабом преобразований – штабов было много. Внутри страны запустился маховик культурного обновления. Россия в муках искала какую-то новую формулу бытия. – С приходом большевиков эти поиски завершились; у них уже была формула, под которую они подверстали страну.

новным регулятором жизни являлась вера / религия, к принципиально иному типу социального устройства (индустриализм, рыночная экономика, урбанизм, «восстание масс» и проч.).

Власти традиционного типа в новом, урбанистическо-индустриальном, мире места не было. Везде абсолютистско-монархический принцип теснился (вытеснялся) демократическим. Везде – и в России. Самодержавие в его исторической форме сворачивалось, уходило в прошлое. Оно уже было обречено с падением крепостничества – лишилось «базиса». XX век должен был довершить дело. Просто потому, что альтернативы этому движению не было. Формировалось совсем другое общество (городское, массовое), требовавшее более сложных, чем прежде, способов управления. Вопрос был в том, насколько органичными они окажутся, насколько болезненным будет процесс «пересоздания». Первая революция дала России, в общем-то, неплохие шансы.

По существу, она знаменовала выход страны из самодержавно-крепостнического порядка («старого режима») ⁵². В политико-юридическом и гражданском отношениях для России начинался XX век. Не случайно так активно стали тогда обсуждаться различные политические проекты (парламентская монархия ⁵³, демократическая республика, разные варианты дикта-

52. В Феврале 1917 г. сработало устойчивое убеждение: раз есть царь – значит, сохранилось и самодержавие; уберем этого царя – свергнем самодержавие. Однако «Долой самодержавие!» имело тогда иной, чем в 1905 г., смысл. Поначалу – спусковой крючок, призыв к штурму власти (привычно; да и что еще? да здравствует ответственное министерство? – как-то мелко, неубедительно, неспособно «зацепить» массу). Потом – пропаганда (оправдание / легенда для революции). То, что заслуга ликвидации самодержавия («старого режима») по-прежнему приписывается 1917-му, имеет объяснение. Здесь действует всем понятная логика (нечто вроде всех объединяющего «здорового смысла): «переучреждение» власти есть своего рода теракт; исчезает персонификатор – падает режим. Этот сценарий проигрывается во многих антимонархических революциях. Россия 1905 г. – принципиально иной опыт: реформирования, а не обрушения действующего строя. Она показала, что самодержавие заканчивается – но не в подвале Ипатьевского дома (путь оттуда – не в светлое завтра, а в другие подвалы), а в институтах и процедурах. Невосприимчивость к этому опыту – важная характеристика современной политической культуры (как элитистской, так и массовой).

53. Точнее, разные варианты полиархического властно-политического устройства с сильной монархией (как показала наша история, монархическую традицию так просто не вычеркнешь – с ней нужно работать). Сложись этот вариант (а именно он был наиболее вероятен до февраля 1917 г.), Россия могла демократизироваться в рамках (в «оболочке») конституционной монархии. Реализовался же вариант (худшей из возможных) диктатуры, ориентированной на уничтожение всяческой инаковости, противопоставившей себя прежней национальной истории, современному ей миру. Именно там, а не в историческом самодержавии и не в постсамодержавном царизме, следует нам искать свои корни, оттуда тянуть линии преемственности.

туры), началась борьба за их реализацию. Страна находилась в процессе выбора – что будет на том месте, которое освободило самодержавие (какова формула власти для XX в.). Перебирала варианты. В 1917-м и в годы Гражданской войны все они так или иначе были проиграны.

Библиография

- Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М.: Наука, 1968. 520 с.
- Аврех А.Я. Царизм и IV Дума, 1912–1914 гг. М.: Наука, 1981. 292 с.
- Алексеев А.С. Начала современного правового государства и русский административный строй накануне 6 августа 1905 г. // Русская мысль. М., 1905. Кн. XI. С. 93–194.
- Большакова О.В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по русистике. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 6. С. 353–385.
- Гайда Ф. П.Н. Милуков: Историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милуков (1859–1943). Материалы международ. научного colloquium (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М.: Изд-во «Любавич», 2010. С. 37–44.
- Гайда Ф.А. В.Н. Коковцов в поисках политического курса (1911–1914) // Вестн. ПСТГУ. II: История. История Русской православной церкви. СПб., 2011. Вып. 1 (38). С. 89–110.
- Гайда Ф. Пламенный реакционер Николай Маклаков // Родина. М., 2012. № 7. С. 112–115.
- Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск.: Харвест, 2003. 368 с.
- Документы о попытке государственного переворота в октябре 1913 г. // Археологический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 309–312.
- Допрос И.Г. Щегловитова, 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. Т. 2. Л.: Гос. Изд-во, 1925. 440 с.
- Дьякин В.С. Самодержавие и дворянство в 1907–1911 гг. Л.: Наука, 1978. 246 с.
- Зеньковский А.В. Правда о Столыпине. М.: Аграф. 2002. 256 с.
- Из дневника А.Н. Куропаткина (с 23 октября по 23 декабря 1905 г.) // Красный архив. М., 1924. Т. 7. С. 55–69.
- Из писем генерала Н.Н. Левашова А.Н. Куропаткину // Красный архив. М., 1926. Т.2 (15). С. 216–222.
- Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: Документы и материалы / Подготовил к печати В. Максаков. М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. 463 с.
- Коцюбинский Д. Почему российская улица вместо храма привела к Путину?: Интервью президента Фонда «Либеральная миссия» Игоря Клямкина // Новая газета. М., 2020. 30 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/30/88576-pochemu-rossiyskaya-ulitsa-vmesto-hrama-privela-k-putinu> (дата обращения: 05.06.2021).
- Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919 гг. В 2 кн. Кн. 2. М.: Наука, 1992. 456 с.
- Краснов М.А. Отвергнутая конституция (Этюд в духе альтернативной истории) // Россияведение: В поисках утраченного времени. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 275–294.
- Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л.: Наука, 1984. 664 с.
- Куликов С.В. «Средоточие управления и законодательства»: Мариинский дворец // 1917: Вокруг Зимнего. М.: РОССПЭН, 2017. С. 56–69. 248 с.
- Лукоянов И.В. Государственная дума Российской империи: исторический опыт // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 52–69.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Малина М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
- Монархия перед крушением, 1914–1917: Бумаги Николая II и др. документы. М.; Л.: ГИЗ, 1927. 312 с.
- Николай II в 1905 г. (По рескриптам, резолюциям, телеграммам) // Красный архив. М., 1925. Т. 4–5(11–12). С. 433–439.
- Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: типогр. «Правда», 1911. 554 с.
- Первая революция в России: Взгляд через столетие / Отв. ред. А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
- Петергофское совещание о проекте Государственной думы // Голос минувшего. М., 1917. № 4. С. 124–252.
- Письма И.И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову (1905–1915 гг.) // Красный архив. М., 1928. Т. 1 (26). С. 97–126 (письмо от 7 ноября 1905 г.).
- Прибалтийский край в 1905 г. // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 263–288.
- Серебряный век: Письма и стихи. М.: Изд-во АСТ, 2019. 304 с.
- Соловьев К.А. Механизм взаимодействия законодательной и представительной ветвей власти, 1906–1914 // Российская история. 2009. № 4. С. 60–76.
- Соловьев К.А. Представительные учреждения в годы столыпинских реформ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политич. науки. 2012. № 6. С. 47–65.
- Спекторский Е.В. Что такое конституция? М., 1917. 16 с.
- Сторожев В.Н. Д.Ф. Дубасов и Г.А. Мин на Пресне в 1905 г. (По данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора) // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 107–141.
- Флоринский М.Ф. П.А. Столыпин и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Государственная деятельность П.А. Столыпина. М.: Изд-во МГОУ, АО «Росвузнаука», 1994. С. 119–136.
- Флоринский М.Ф. Николай II и кабинет П.А. Столыпина (К истории взаимоотношений) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сб. статей к 75-летию А.Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 352–359.
- Флоринский М.Ф. К истории Совета министров Российской империи в 1906–1914 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. Вып. 15. СПб., 2013. С. 191–205.
- Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 260 с.
- Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. 2-е изд. М.: Мысль, 1970. 109 с.
- Шацилло К.Ф. 1905 год. М.: Наука, 1980. 196 с.
- Lampert E. Sons against fathers: Studies in Russ. Radicalism and revolution. Oxford: Clarendon press, 1965. X, 405 p.
- Orlovsky D.T. The limit of reforms: The Min. of Internal affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge; L.: Harvard univ. press, 1981. XIII, 299 p.

Reference

- Avrex A.Ya. Stoly`pin i III Duma [Stolypin and the III Duma]. M.: Nauka, 1968. 520 p. (In Russ.)
- Avrex A.Ya. Czarizm i IV Duma, 1912–1914 gg. [Tsarism and the IV Duma, 1912–1914]. M.: Nauka, 1981. 292 p. (In Russ.)

Alekseev A.S. Nachala sovremennogo pravovogo gosudarstva i russkij administrativny'j stroj nakanune 6 avgusta 1905 g. [The beginnings of the modern rule of law and the Russian administrative system on the eve of August 6, 1905] // *Russkaya my'sl'*. M., 1905. Noyab. Kn. XI. P. 93–194. (In Russ.)

Bol'shakova O.V. Koncept «Zapad» i istoriograficheskie obrazy' Rossii [Concept «West» and historiographic images of Russia] // *Trudy' po rossievedeniyu*. M.: INION, 2016. Vy'p. 6. P. 353–385. (In Russ.)

Gajda F. P.N. Milyukov: Istorik v politike // *My'slyashhie miry' rossijskogo liberalizma: Pavel Milyukov (1859–1943)* [P.N. Milyukov: Historian in Politics // The Thinking Worlds of Russian Liberalism: Pavel Milyukov (1859–1943). International materials. scientific colloquium (Moscow, September 23–25, 2009)]. *Materialy' mezhdunarod. nauchnogo kollokviuma* (Moskva, 23–25 sentyabrya 2009 g.). M.: Izd-vo «Lyubavich», 2010. P. 37–44. (In Russ.)

Gajda F.A. V.N. Kokovtsov v poiskax politicheskogo kursa (1911–1914) [V.N. Kokovtsov in search of a political course (1911–1914)] // *Vestn. PSTGU. II: Istoriya. Istoriya Russkoj pravoslavnoj cerkvi*. SPb., 2011. Vy'p. 1 (38). P. 89–110.

Gajda F. Plamenny'j reakcioner Nikolaj Maklakov [The fiery reactionary Nikolai Maklakov] // *Rodina*. M., 2012. N 7. P. 112–115. (In Russ.)

Dnevnik i dokumenty' iz lichnogo arhiva Nikolaya II: Vospominaniya. Memuary' [Diaries and documents from the personal archive of Nicholas II: Memoirs. Memoirs]. Minsk.: Xarvest, 2003. 368 p. (In Russ.)

Dokumenty' o popy'tke gosudarstvennogo perevorota v oktyabre 1913 g. // *Arxeograficheskij ezhegodnik za 1987 g.* [Documents on the attempted coup d'état in October 1913]. M., 1988. P. 309–312. (In Russ.)

Dopros I.G. Shcheglovitova, 26 aprelya 1917 g. // *Padenie czarskogo rezhima: Stenogr. otchety' doprosov i pokazanij, danny'x v 1917 g. Chrezvy'chajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva*. [Interrogation of I.G. Shcheglovitova, April 26, 1917 // The fall of the tsarist regime: Stenogr. reports of interrogations and testimonies given in 1917 by the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government] V 7 t. T. 2. L.: Gos. Izd-vo, 1925. 440 p. (In Russ.)

Dyakin V.S. Samoderzhavie i dvoryanstvo v 1907–1911 gg. [Autocracy and nobility in 1907–1911]. L.: Nauka, 1978. 246 p. (In Russ.)

Zen'kovskij A.V. Pravda o Stoly'pine [The truth about Stolypin]. M.: Agraf. 2002 g. 256 p. (In Russ.)

Iz dnevnika A.N. Kuropatkina (s 23 oktyabrya po 23 dekabrya 1905 g.) [From the diary of A.N. Kuropatkina] // *Krasny'j arxiv*. M., 1924. T. 7. P. 55–69. (In Russ.)

Iz pisem generala N.N. Levashova A.N. Kuropatkinu [From the letters of General N.N. Levashova A.N. Kuropatkin] // *Krasny'j arxiv*. M., 1926. T. 2 (15). P. 216–222. (In Russ.)

Karatel'ny'e e'kspedicii v Sibiri v 1905–1906 gg.: Dokumenty' i materialy' [Punitive expeditions in Siberia in 1905–1906: Documents and materials] / Podgotovil k pechati V. Maksakov. M.-L.: Socze'kgiz, 1932. 463 p. (In Russ.)

Koczyubinskij D. Pochemu rossijskaya ulicza vmesto xrama privela k Putinu?: Interv'yu prezidenta Fonda «Liberal'naya missiya» Igorya Klyamkina [Why did the Russian street instead of the temple lead to Putin?: Interview with the President of the Liberal Mission Foundation Igor Klyamkin] // *Novaya gazeta*. M., 2020. 30 dek. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/30/88576-pochemu-rossijskaya-ulitsa-vmesto-hrama-privela-k-putinu> (data of access: 05.06.2021). (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo: Vospominaniya, 1903–1919 gg. [From My Past: Memoirs, 1903–1919] V 2 kn. Kn. 2. M.: Nauka, 1992. 456 p. (In Russ.)

Krasnov M.A. Otvergnutaya konstituciya (E'tyud v duxe al'ternativnoj istorii) [Rejected Constitution (Study in the spirit of alternative history)] // *Rossievedenie: V poiskax utrachennogo vremeni*. M.: INION, 2019. S. 275–294. (In Russ.)

Krizis samoderzhaviya v Rossii, 1895–1917. [The Crisis of Autocracy in Russia, 1895–1917] L.: Nauka, 1984. 664 p. (In Russ.)

Kulikov S.V. «Sredotochie upravleniya i zakonodatel'stva»: Mariinskij dvorecz [«The focus of government and legislation»: the Mariinsky Palace] // 1917: Vokrug Zimnego. M.: ROSSPE'N, 2017. S. 56–69. 248 p. (In Russ.)

Lukoyanov I.V. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii: istoricheskij opyt [State Duma of the Russian Empire: historical experience] // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2005. N 3 (4). P. 52–69. (In Russ.)

Malia M. Lokomotivy istorii: Revolyucii i stanovlenie sovremennogo mira. [Locomotives of history: Revolutions and the formation of the modern world] M.: ROSSPE'N, 2015. 405 p. (In Russ.)

Monarxiya pered krusheniem, 1914–1917: Bumagi Nikolaya II i dr. dokumenty [Monarchy before the collapse, 1914–1917: Papers of Nicholas II and other documents]. M.; L.: GIZ, 1927. 312 p. (In Russ.)

Nikolaj II v 1905 g. (Po reskriptam, rezolyuciyam, telegrammam) // Krasny'j arxiv. [Nicholas II in 1905 (According to rescripts, resolutions, telegrams)] M., 1925. T. 4–5 (11–12). P. 433–439. (In Russ.)

Nol'de B.E'. Oчерки russkogo gosudarstvennogo prava [Essays on Russian State Law]. SPb.: tipogr. «Pravda», 1911. 554 p. (In Russ.)

Pervaya revolyuciya v Rossii: Vzgl'yad cherez stoletie [The First Revolution in Russia: A View Through a Century] / Otv. red. A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. M.: Pamyatniki istoricheskoy my'sli, 2005. 602 p. (In Russ.)

Petergofskoe soveshhanie o projekte Gosudarstvennoj dумы [Peterhof meeting on the draft of the State Duma] // *Golos minuvshogo*. M., 1917. N 4. P. 124–252. (In Russ.)

Pis'ma I.I. Voronczova-Dashkova Nikolayu Romanovu (1905–1915 gg.) [Letters from I.I. Vorontsova-Dashkova to Nikolai Romanov (1905–1915)] // Krasny'j arxiv. M., 1928. T. 1 (26). S. 97–126 (pis'mo ot 7 noyabrya 1905 g.). (In Russ.)

Pribaltijskij kraj v 1905 g. [Baltic region in 1905] // Krasny'j arxiv. 1925. T. 4–5 (11–12). P. 263–288. (In Russ.)

Serebryany'j vek: Pis'ma i stixi [The Silver Age: Letters and Poems] M.: Izd-vo AST, 2019. 304 p. (In Russ.)

Solov'ev K.A. Mexanizm vzaimodejstviya zakonodatel'noj i predstavitel'noj vetvej vlasti, 1906–1914 [The mechanism of interaction between the legislative and representative branches of government, 1906–1914] // *Rossijskaya istoriya*. M., 2009. N 4. P. 60–76. (In Russ.)

Solov'ev K.A. Predstavitel'ny'e uchrezhdeniya v gody stoly'pinskiх reform [Representative institutions during the years of the Stolypin reforms] // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12: Politich. nauki*. M., 2012. N 6. P. 47–65. (In Russ.)

Spektorskij E.V. Chto takoe konstituciya? [What is a constitution?] M., 1917. 16 p. (In Russ.)

Storozhev V.N. D.F. Dubasov i G.A. Min na Presne v 1905 g. (Po dannym sekretnogo otdeleniya kancel'yarii moskovskogo general-gubernatora). [D.F. Dubasov and G.A. Min on Presnya in 1905] // *Golos minuvshogo*. 1918. N 4–6. P. 107–141. (In Russ.)

Florinskij M.F. P.A. Stoly'pin i problema edinstva gosudarstvennogo upravleniya v 1906–1911 gg. [P.A. Stolypin and the problem of the unity of state administration in 1906–1911] // *Gosudarstvennaya deyatel'nost' P.A. Stoly'pina*. M.: Izd-vo MGOU, AO «Rosvuznauka», 1994. P. 119–136. (In Russ.)

Florinskij M.F. Nikolaj II i kabinet P.A. Stoly'pina (K istorii vzaimootnoshenij) [Nicholas II and P.A. Stolypin (On the history of relationships)] // *Otechestvennaya istoriya i istoricheskaya my'sl' v Rossii XIX–XX vekov. Sb. statej k 75-letiyu A.N. Czamutali*. SPb., 2006. P. 352–359. (In Russ.)

Florinskij M.F. K istorii Soveta ministrov Rossijskoj imperii v 1906–1914 gg. [On the history of the Council of Ministers of the Russian Empire in 1906–1914] // Trudy` istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vy`p. 15. SPb., 2013. P. 191–205. (In Russ.)

Czarizm v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg. [Tsarism in the Struggle Against the Revolution of 1905–1907] M.: Gos. socz.-e`kon. izd-vo, 1936. 260 p. (In Russ.)

Chermenskij E.D. Burzhuaziya i czarizm v Pervoj russskoj revolyucii. 2-e izd. [The bourgeoisie and tsarism in the First Russian revolution]. M.: My`sl', 1970. 109 p. (In Russ.)

Shacillo K.F. 1905 god [1905 year] M.: Nauka, 1980. 196 p. (In Russ.)

Lampert E. Sons against fathers: Studies in Russ. Radicalism and revolution. Oxford: Clarendon press, 1965. X, 405 p. (In Russ.)

Orlovsky D.T. The limit of reforms: The Min. of Internal affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge; L.: Harvard univ. press, 1981. XIII, 299 p. (In Russ.)